

Сергей Алымов

Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг.

В одном из своих публицистических произведений заслуженный писатель-соцреалист Федор Панферов рассказал следующую историю. Выступая однажды перед членами образцовой комсомольской организации некоего крупного завода, он «заговорил о пережитках». Комсомольцы, пишет он, «глянули на меня иронически, как бы говоря: “Это у тебя пережитки, а у нас их нет: из нас самый старший рожден в 1935 г.”» Однако писатель не растерялся и подловил заносчивую молодежь «доказательством» обратного. Оно сводилось к следующему: все они, безусловно, согласны с тем, что парню прилично петь под окном девушки серенады, а идентичное поведение девушки расценивается ими как неприличное. «Ну вот и пережиток у вас, — сказал я. — Почему считалось парню “прилично”, а девушке “неприлично”? <...> Все это “прилично” и “неприлично” выросло на страшной несправедливости: на неравенстве женщины, что рождено частной собственностью» [Панферов 1960: 60].

Эта история содержит, возможно, в несколько утрированной форме, ситуацию, с которой на протяжении десятилетий сталкивались советские руководители, идеологи, философы и представители социальных наук. Широко используя понятие

Сергей Сергеевич Алымов
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва
alymovs@mail.ru

пережитка для описания и объяснения наличия в советском обществе самых разных несовместимых с социализмом явлений, они вынуждены были в какой-то момент попытаться дать себе отчет в истинных причинах существования этих «анти-общественных» тенденций. Время это пришлось на вторую половину 1950-х гг., когда окончательное взросление рожденного после революции поколения совпало с необходимостью для КПСС находить новые методы управления страной, основанные не столько на насилии, сколько на внимании к потребностям общества и попытке их удовлетворения.

Хрущевское стремление к мобилизации общественности на путях строительства коммунизма сопровождалось, как известно, и активизацией деятельности всевозможных форм общественных организаций — от комсомола и профсоюзов до женсоветов, домкомов, товарищеских судов и дружин. На вторую половину 1950-х гг. приходится и активизация деятельности этнографов, философов и (прото)социологов по изучению современного им советского общества. Эта деятельность, именовавшаяся в те годы «конкретными социальными исследованиями», привела к значительному изменению в исследовательской повестке дня этнографии, возрождению в СССР социологии, институализации научного коммунизма и различными попытками философской рефлексии на актуальные социальные темы. Идея «пережитка», являвшаяся, как будет показано, важной частью не только официальной идеологии, но и понятийного аппарата советской социальной науки, а также общественного сознания, была своеобразным инструментом, позволявшим более или менее открыто говорить о недостатках и проблемах советского общества в рамках все еще жестко цензурировавшегося официального дискурса. Отнесение тех или иных реалий современности к «пережиткам», безусловно, позволяло легко справиться с причинами их бытования через сорок лет после победы социалистической революции. Поскольку, согласно официальной версии, пережитки существовали главным образом «в сознании» (хотя иногда добавлялось «и поведении») людей, их существование объяснялось «отставанием общественного сознания от бытия». Столь длительное отставание, однако, грозило перерасти в идеалистическую независимость сознания от бытия, а попытки материалистического марксистского объяснения наличия пережитков некими реальными причинами в социалистическом бытии поднимали неудобные вопросы о его несовершенстве. Советское общественное сознание так и не смогло преодолеть этот порочный круг, а робкое движение в данном направлении, как будет показано, наталкивалось на довольно жесткую реакцию. Тем не менее история этих малоизвестных поисков и дискуссий, проводив-

шихся абсолютно лояльными режиму учеными и идеологами, позволяет по-новому осветить причины и механизмы становления социологической (в широком смысле этого слова) рефлексии в Советском Союзе.

«Пережитки прошлого» определялись словарем «Коммунистическое воспитание» как «остатки прошлых общественных отношений, форм поведения и сознания людей, сохраняющихся в новых социально-экономических условиях, но не вытекающих из сущности этих условий». Приведем более развернутое определение, суммирующее сущность понятия применительно к социалистическому обществу:

Особый теоретический и практический интерес представляет уяснение природы П.п. в социалистическом обществе, причин их сохранения и путей изживания. В отличие от всех предшествовавших обществ социализм не заинтересован в консервации П.п., ликвидация их является необходимым условием прогресса социалистического общества. Однако социализм не свободен еще от П.п., не может от них избавиться сразу. <...>

В условиях социализма П.п. проявляются прежде всего в антиобщественном поведении, в нарушении социалистических норм права и морали. К ним следует отнести воровство, хулиганство, взыточничество, стремление урвать от общества побольше, а дать ему поменьше, бюрократизм, мещанство, тунеядство. Все эти формы поведения и сознания людей возникли в досоциалистических обществах. Они не имеют социальных корней в социализме, не вытекают из его сущности. Вместе с тем их сохранение и воспроизводство в условиях социалистического общества имеет свои причины как объективного (недостаточное развитие производительных сил, незрелость ряда групп общественных отношений, например распределительных, несовершенство некоторых звеньев хозяйственного механизма), так и субъективного характера (недостатки в деятельности государственных и хозяйственных органов и отдельных руководителей, формализм в идеологической, воспитательной работе). Необходимо также иметь в виду, что поддержание антиобщественных, антисоциалистических форм сознания и поведения у части населения социалистических стран является целью буржуазной пропаганды, идеологических диверсий империалистических кругов [Коммунистическое воспитание 1984: 184–185].

Это определение в краткой словарной форме подытожило довольно долгие дебаты вокруг сущности и причин существования пережитков в социалистическом обществе, легитимировавшихся классическими цитатами из Маркса и Ленина о длительности процесса перехода к коммунизму и устойчивости «родимых пятен» прошлого на теле нового общества. В то же

время оно странным образом не упоминает такой несомненный с точки зрения советского официоза пережиток, как религию, а также пережитки национализма и множество других «пережитков», список которых менялся в связи с очередными идеологическими кампаниями. В следующем разделе дается попытка проследить «биографию» понятия «пережиток» в дискурсе официальной идеологии и истматовской философии, а затем его разработку и применение в «конкретных социальных исследованиях» этнографов и социологов.

С.М. Ковалев и философский дискурс о пережитках и коммунистическом воспитании трудящихся

Идея пережитка прочно входила в понятийный аппарат классиков марксизма и советских вождей. Начиная с Ленина эта идея была частью дискурса о «коммунистическом воспитании», которому должны были подвергнуться все слои советского общества в процессе создания «нового человека». Как подчеркивал Ф. Константинов, Ленин «буквально на второй день после революции выдвинул в качестве важнейшей задачи партии коммунистическое воспитание трудящихся масс». Оно должно было состоять в переработке нравов, «испорченных проклятой частной собственностью на средства производства» и порожденной ею атмосферой «грызни и недоверия», вытравливании «проклятого правила “каждый за себя, один бог за всех”». Ленин в то же время выступал против идеализма, подчеркивая, что основным методом борьбы со старыми привычками и нравами должна быть не агитация, а участие масс в «повседневной борьбе за строительство нового строя» [Константинов 1940: 72–74]. Классическую для советской идеологии трактовку «пережитков капитализма» дал И.В. Сталин на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Провозгласив, как известно, полную победу «социалистического уклада», он указал на то, что нельзя говорить о преодолении пережитков капитализма как в экономике, так и в сознании людей: «Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, должны все время держать порох сухим» [Сталин 1951: 349].

Наиболее полный перечень «пережитков прошлого» был составлен в 1950 г. партийным функционером, философом и идеологом С.М. Ковалевым, сыгравшим впоследствии важную роль в трактовке данного понятия. Среди основных были названы «нерадивое отношение к труду», остатки частнособ-

ственнической психологии и буржуазной морали, национализм, космополитизм, бюрократизм, идеалистические взгляды, религиозные суеверия и предрассудки [Ковалев 1950: 19–20]. Основной акцент (и это, по-видимому, характерно для трактовки понятия пережитка в сталинскую эпоху) был сделан на отношении к труду. Для рабочей среды проблему составляло некоммунистическое отношение к труду, проявлявшееся в нерадивости, невыработке норм, браке, нежелании внедрять новую технику и «предельчестве» (равнении на средние или заниженные планы). В крестьянской среде (вообще более склонной к сохранению пережитков) они, кроме того, проявляются в «разбазаривании» общественных земель и «раздувании» приусадебных участков, невыполнении хлебопоставок и т.п. [Ковалев 1950: 20–26].

В постсталинское время С.М. Ковалев стал главным среди философов специалистом по пережиткам прошлого, причинам их сохранения и методам борьбы с ними. Он родился в Белоруссии в крестьянской семье в 1913 г. В 1935 г. по окончании семилетки, железнодорожного техникума и работы в паровозном депо поступил на исторический факультет МИФЛИ, а в 1939 г. — в Высшую партийную школу. С 1943 по 1948 г. работал в аппарате Агитпропа ЦК (в том числе заведующим отделом пропаганды). В 1948–1951 г. Ковалев был секретарем Курского обкома ВКП(б), в 1951–1954 — директором Госполитиздата. После недолгого периода работы в академических институтах с 1957 г. он вновь уходит на пропагандистский фронт — в Комитет по радиовещанию и телевидению, редакцию журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге. В 1965 г. Сергей Митрофанович стал редактором «Правды» по отделу пропаганды. В 1942 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук, в 1954 г. — докторскую диссертацию по философии в ВПШ [АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 1208. Л. 4]. Именно эта диссертация, носившая название «О коммунистическом воспитании трудящихся», неожиданно оказалась предметом длительного и отчасти скандального обсуждения, приведшего к пересмотру решения ВАК о присуждении степени (вторично и окончательно степень доктора философских наук была присвоена Ковалеву только в 1963 г.) и дискуссиям в научной и партийной печати. В центре этих дискуссий было понятие «пережиток».

Работа Ковалева представляла собой своеобразную интерпретацию российской истории и советского настоящего как процесса постепенного, неизменно мудрого и «прогрессивного» воспитания населения страны большевиками. Однако идеологически безупречный текст содержал новацию, повлиявшую на сложную судьбу диссертации. Ковалев утверждал, что суще-

ствование пережитков капитализма невозможно объяснить только отставанием сознания от социалистического бытия: «Дело в том, что в экономике социализма, первой фазе коммунизма, еще имеются некоторые явления, которые затрудняют преодоление пережитков капитализма в сознании людей». К таким явлениям Ковалев отнес товарное производство, различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом, сводившиеся к рискованному тезису о «неравенстве в удовлетворении потребностей людей, имеющемся при социализме» [Ковалев 1954: 542]. В более открытой форме Ковалев высказал свои взгляды на состоявшемся через месяц после его защиты в Академии общественных наук обсуждении доклада Ц.А. Степаняна «О противоречиях в развитии советского общества». Главным противоречием социализма, о котором начали говорить философы, Сергей Митрофанович считал невозможность удовлетворения всех насущных потребностей людей и возникающее на этой почве неравенство. Вытекающий из данной невозможности принцип распределения по труду Ковалев считал несовершенным, а его несовершенство порождает и «антиобщественные взгляды», а также устойчивость «пережитков капитализма» у никогда не жившей при капитализме молодежи. Социально-экономическое неравенство оказывалось универсальным ключом. Объясняя свою позицию, философ прибегал к элементарным аналогиям:

Как-то я вижу, что моему сыну мать дает в школу яблоко. А он ей говорит: «Ты мне не давай яблоко, а дай лучше пирожок. Когда я ем пирожок, ребята думают, что я ем хлеб, и не просят, а если я ем яблоко, то все налетают и просят». Яблок у нас мало, не хватает, а в хлебе недостатка нет. Разве в этом случае не могут возникнуть такие антиобщественные взгляды, как зависть к тому, у кого есть яблоко; а с другой стороны, и у этого парня может возникнуть высокомерное отношение к другим. Так бывает в жизни, и из этого источника возникают антиобщественные взгляды.

Если существует неудовлетворенность многих потребностей и если существует неравенство в их удовлетворении (один имеет больше, другие — меньше) — это не может не породить антиобщественных взглядов [РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 315. Л. 172].

Вскоре выяснилось, что подобные взгляды были слишком радикальны для советского философа. После соответствующих «сигналов» ВАК назначил повторную рецензию диссертации и получил отрицательный отзыв другого видного деятеля пропагандистского фронта, ставшего в 1955 г. директором Института философии, — П.Н. Федосеева. Цитируя приведенные выше места из работы Ковалева, рецензент указывал, что из них следует вывод о социалистической экономике как «источ-

нике» пережитков капитализма. «Его рассуждения, с одной стороны, по существу оправдывают пережитки буржуазной идеологии и морали так называемыми объективными условиями, а с другой стороны, могут посеять представление о безуспешности борьбы за преодоление пережитков капитализма в сознании людей в условиях социализма» [ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 72. Д. 97. Л. 134]. Экспертная комиссия признала идеи Ковалева антимакистскими, теоретически и политически вредными, решение о присуждении ему степени в 1955 г. было отменено [ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 72. Д. 97. Л. 3, 24].

Ковалев, однако, не отказался от своей любимой идеи. В 1957 г. он направил в журнал «Коммунист» статью «Пережитки капитализма в сознании людей при социализме и пути их преодоления». В начале 1957 г. она трижды обсуждалась на редколлегии. На первом заседании автор оптимистично заключил, что основная идея статьи о том, «что антиобщественные взгляды не только появляются в результате отставания сознания от бытия, но и питаются определенными факторами нашей действительности», не встретила сопротивления [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 90. Л. 8]. Однако сопротивление редакции, как показывают протоколы обсуждения статьи, было значительным. Наиболее философское возражение сводилось к тому, что позиция Ковалева обесмысливает понятие пережитка, поскольку распределение по труду, в котором Ковалев видел «родимые пятна» капитализма, составляет самую сущность социализма [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 90. Л. 29–30]. Тогдашний глава Отдела пропаганды и агитации ЦК Ф.В. Константинов возражал скорее по тактическим соображениям:

Моя точка зрения такая: если бы не было сейчас той борьбы, которую мы ведем с разными болезненными явлениями среди молодежи, я был бы за то, чтобы поместить эту статью. Эта статья, мне кажется, может оживить и дать обоснование разным фрондерским явлениям, разным наскокам на наш строй, поддержать эти настроения. Часть писателей может получить для себя оправдание в этой статье. Статья, конечно, принесет пользу, она разъясняет, почему на сороковом году существования социалистического строя есть такие пережитки. Но ведь мы знаем, что хулиганства стало больше, чем в 1940 г., надо сходить в суды, может быть, в милицию, проанализировать проступки, преступления и т.д. Сейчас мы бредем наобум. В 1940 г. не было таких явлений, как «Не хлебом единым» или зоринских статей. Сейчас вспышка, обострение идеологической борьбы [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 90. Л. 78–79].

Статья, однако, вскоре была опубликована. В ней Ковалев дал более развернутое обоснование своей позиции. Советский

строй обеспечивает равное вознаграждение за равный труд, но это не отменяет неравенства способностей и возможностей людей. Кроме того, даже при равном количестве и качестве труда и вознаграждения, «люди из-за неодинакового семейного положения, из-за неодинакового числа членов семьи, из-за различия индивидуальных интересов, склонностей, запросов в разной степени удовлетворяют свои потребности» [Ковалев 1957: 32]. Оставаясь при своем любимом тезисе, Ковалев указывал и на проблемы, вскоре ставшие центральными для социологов: недостаточная механизация труда и «культурно-технического уровня» трудящихся, невозможность для многих выбирать профессию «по своей склонности» и т.д. [Ковалев 1957: 33–34]. Вскоре после выхода статьи в свет в апреле 1957 г. Ковалев написал письмо Н.С. Хрущеву. Он утверждал, что доказал в ней правильность своей позиции, несостоятельность, «субъективистский характер» отрицательной рецензии Федосеева и просил содействия в возвращении ему докторской степени [ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 72. Д. 97. Л. 28]. Федосеев в свою очередь не раз высказывался в печати против отдельных «оторвавшихся от жизни» научных работников, неправильно трактующих вопрос о причинах существования пережитков [Федосеев 1962: 231–232, 244]. В результате монументальная монография Ковалева «Коммунистическое воспитание трудящихся» (М., 1960), представлявшая собой переработанный текст докторской диссертации, была лишена каких бы то ни было спорных моментов в трактовке понятия «пережиток».

Нападки, которым подвергался Ковалев в 1950-х гг., однако, не остановили его от дальнейших размышлений на данную тему. В 1970 г., когда острота обсуждений давно миновала, он выпустил последнюю книгу — «О человеке, его порабощении и освобождении». Это произведение, содержащее программу избавления человечества практически от всех пороков и недостатков, является интересным примером позднесоветской утопической мысли. Уже почти не используя понятия «пережиток», Ковалев продолжил рассмотрение сущности социалистического общества и способов преодоления его несовершенства. При социализме, писал он, сохраняются многие характеристики буржуазного общества. По-прежнему существует разделение труда и разные его виды, «люди объединены общественным владением средствами производства и в определенной степени разъединены разделением труда и неравными условиями производственной деятельности» [Ковалев 1970: 150]. Сохраняется неравенство возможностей жителей города и деревни, мужчин и женщин, работников умственного и физического труда. Сохраняются элементы отчуждения человека от человека и от общества, «пленения» его предметами потреб-

ления. «Остатки» отчуждения в бытии являются источником отчужденного сознания: «Поскольку при социализме человек является вместе с другими членами общества коллективным собственником средств производства, трудится вместе с другими на благо общества, постольку он коллективист. Поскольку же вследствие разделения труда он в определенной степени обособлен от других членов общества в производственной деятельности, в распределении и потреблении, он по своему объективному положению еще в определенной степени индивидуалист» [Ковалев 1970: 154]. Таким образом, «остатки несвободы» в советском обществе обусловлены разделением труда и неравенством в производстве, распределении и потреблении.

В главе «Преодоление пороков и достижение нравственной чистоты людей» Ковалев предпринял смелую попытку не только дать социологическое объяснение существованию почти всех пороков, но и обрисовать пути их преодоления. В разделе «Пути устранения жадности, властолюбия, зависти, лжи» доказывалось, что все эти качества порождены неравенством и будут устранены с исчезновением последнего. «Условия преодоления пьянства и хулиганства» — также устранение социального гнета, вынужденного труда и поисков «иллюзорного счастья». Даже половую невоздержанность Ковалев считал «отдушиной» в условиях господства брака-сделки, вполне устранимую с изменением социальных условий: «Молодые люди не тяготеют праздностью, бездельем, непереносимой скукой, их не мучит сознание бесцельности существования. А ведь именно это прежде всего порождает у людей буржуазного общества стремление к “острым” ощущениям, в частности к таким “возбудителям удовольствия”, как пьянство и разврат. Все это объясняет, почему вопросы секса в жизни нашей молодежи не занимают того места, какое они занимают в жизни молодежи капиталистических стран» [Ковалев 1970: 229–230].

С.М. Ковалев, первым в постсталинское время поднявший тему «пережитков» и причин их сохранения, решал ее в собственной философам абстрактной манере. Размышляя о «зако- не отставания сознания от бытия», философы и идеологи, говоря словами Константинова, «брели наобум», не имея фактического материала, который могли предоставить только более близкие к социальной действительности обществоведы — этнографы и социологи. Однако при всей наивности дававшихся объяснений Ковалеву удалось в рамках господствующей идеологии поставить достаточно неудобные вопросы и ввести в сферу социально-философского анализа «теневые» стороны социалистической действительности.

Этнографы в поиске корней пережитков

«После XX съезда КПСС современная тематика стала центральной для большинства этнографических учреждений страны», — утверждала в 1961 г. редакционная статья в «Советской этнографии» [Советская этнография 1961: 4]. Главной целью в изучении современности было, конечно, «выявление всего нового, прогрессивного», однако специалисты в области народной культуры не проходили мимо «вредных пережиточных явлений» в быту и сознании советских людей: «Именно этнографы лучше всего могут понять причины сохранения этих пережитков, вскрыть их корни, показать их вред и тем самым содействовать их быстрейшему изживанию» [Советская этнография 1961: 5].

Пионером этого направления выступил специалист в области духовной культуры народов Средней Азии Глеб Павлович Снесарев. Глеб Павлович родился в Ленинграде в семье врача-психиатра, профессора Института психиатрии и Института мозга П.Е. Снесарева. Учился в МГУ на этнографическом отделении, по окончании которого в 1930 г. был направлен на работу в Центральный государственный музей УзССР в Самарканде. Вернувшись в 1936 г. в Москву, он продолжил заниматься религиозными верованиями народов Средней Азии в Центральном музее истории религии и атеизма. Участвовал в Великой Отечественной войне. После несколько неожиданного отклонения от научно-музейной деятельности (с 1945 по 1952 г. Снесарев работал в Управлении МГБ Московской области) Глеб Павлович пришел в Институт этнографии, став одним из ведущих этнографов-религиоведов. Наиболее известная работа ученого, защищенная им как диссертация, — «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969) [АИЭА. Личное дело Г.П. Снесарева. Л. 8–10].

В 1957 г. Глеб Павлович опубликовал статью «О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма». В то время как ортодоксальный ислам, писал этнограф, теряет влияние, в Средней Азии продолжают бытовать «целые комплексы пережитков», коренящихся в основном в семейном быте. Большая их часть (магия, вера в духов, культ святых могил, шаманство) связана с рождением и воспитанием детей, а главным «хранителем» этих пережитков является женщина. Основная причина этого — сохраняющаяся «изоляция» женского быта и патриархально-феодалное отношение к женщине. Снесарев, однако, не останавливался на констатации этого факта и указывал на социальный институт, в котором поддерживаются данные традиции. Этим институтом являлся элат — община из 20–40 семей, связанная общим

предком, совместным проживанием и самосознанием. Именно в существовании данного реликта сельской общины этнограф видел причину сохранения «семейно-бытовых и религиозных пережитков»:

Элат с его замкнутостью, с особым внутренним укладом, построенным на старых традициях, с влиянием группы стариков является той ячейкой, в которой консервируются пережитки прошлого, будь то область религии или семейных отношений, той оградой, которая препятствует проникновению в отдельные семьи, связанные «общественным мнением» элата, новых взглядов на жизнь и новых норм поведения. В элатах имеются благоприятные условия для сохранения анимистических пережитков, магии, культа предков и святых, именно в них поддерживается традиционная свадебная и погребальная обрядность [Снесарев 1957а: 70].

Материал для этой статьи собирался Снесаревым в 1954–1956 гг. в рамках руководимой директором Института этнографии С.П. Толстовым Хорезмской экспедиции [Снесарев 1957б]. Толстов, очевидно, поддерживал новое направление исследований. Следует отметить, что в 1956 г. Институт этнографии наряду с некоторыми другими академическими учреждениями попал в число допустивших «незрелые выступления» во время обсуждения доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях», что свидетельствует о довольно значительной степени свободомыслия, допускаясь в его стенах [Реабилитация 2003: 49]. В то же время Толстов активно стремился встроить работу института в рамки актуализировавшейся проблематики построения коммунизма и воспитания «нового человека». В 1959 г. была создана Комплексная экспедиция по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период перехода от социализма к коммунизму, собиравшая материалы для обобщающих трудов «Современный быт сельского населения и перспективы его дальнейшего преобразования на пути к коммунизму», «Проблема развития материалистического мировоззрения и пути изживания религиозно-бытовых пережитков» и др. [Советская этнография 1961: 4]. Как следует из протокола расширенного заседания дирекции института, посвященного «теоретическим проблемам строительства коммунизма», Толстов планировал сделать Институт этнографии лидером среди гуманитарных институтов Академии наук в изучении данной проблематики. Планировалось создать междисциплинарный Ученый совет, деятельность которого должна была опираться на материалы Комплексной экспедиции. Участвовать в этой экспедиции приглашались историки, юристы, экономисты и представители других гуманитарных наук [АРАН. Ф. 142.

Оп. 1. Д. 1050. Л. 14, 18, 19–21, 24, 34]. Примечательно, что на данном заседании Толстов, останавливаясь на теме изучения пережитков феодальных и дофеодальных институтов на Кавказе и в Средней Азии, цитировал идеи Снесарева:

Я позволю себе высказать одну идею, еще, может быть, не подвергшуюся широкому обсуждению, к которой мы приходим в результате нашей работы. Именно в самих бытовых пережитках патриархальщины и феодализма коренится стихийность религиозных пережитков. <...> Это один из чрезвычайно важных пунктов, необходимых для правильного направления основного огня; против религиозных пережитков должен быть направлен тот же самый огонь, который бьет по феодально-патриархальным пережиткам в жизни наших народов, причем в самой маленькой ячейке народа — именно в семье, в каждой конкретной семье [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1050. Л. 10–11].

В октябре 1960 г. на заседании Ученого совета института была представлена рукопись сборника «Религиозно-бытовые пережитки в колхозной деревне и их преодоление». Свои статьи в него предоставили такие известные ученые, как И.С. Гурвич, А.В. Смоляк, Г.П. Снесарев, Л.Н. Терентьева и др. Редактором выступил религиовед И.А. Крывелев. Он и подытожил основные выводы, к которым пришел авторский коллектив. Прежде всего, отмечалась «неравномерность хода преодоления религии по этническим, социальным, возрастным, образовательным группам», а также по «элементам религиозного комплекса»: «Оказывается, самыми живучими являются обряды, праздники, связанные с ними культы, формы ознаменования важных событий в индивидуальной жизни человека, формы ознаменования тех или иных событий календаря общественного, семейного, индивидуального» [АРАН. Ф. 142. Оп. 1 Д. 1202. Л. 7–8]. Кроме того, статья Л.А. Пушкаревой и М.Н. Шмелевой «Религиозно-бытовые пережитки в русском колхозном крестьянстве» поднимала тему «обывательского общественного мнения» и его давления на сознание и быт людей.

Сборник о религиозно-бытовых пережитках так и не увидел свет. Причиной были, по всей видимости, соображения цензуры и самоцензуры. Рецензент М.Н. Шейнман указал на необходимость сделать больший упор на вредность религиозных пережитков и на то, «как новое побеждает». Особой критике с его стороны подвергся, как ни странно, Снесарев, представивший в сборник статью об обряде обрезания у узбеков Хорезма «Сунет-той». По мнению рецензента, утверждения Снесарева о «общинном» характере праздника могут быть неправильно использованы для его оправдания: «В Средней Азии кое-кто считает, что это относится к области национальных

традиций. Наша задача заключается в том, чтобы показать, что это не национальный, а религиозный, очень вредный обряд» [АРАН. Ф. 142. Оп. 1 Д. 1202. Л. 18]. Некоторые выступавшие на обсуждении сборника этнографы, напротив, высказывали сомнения относительно утверждения Кривелева о том, что большинство сельского населения уже разделяет атеистическое мировоззрение. Некоторые «выжимки» из работ предполагаемого сборника тем не менее были опубликованы. Л. Пушкарева, Г. Снесарев и М. Шмелева в статье «Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления» освещали две стороны проблемы, выделенные Кривелевым. Они указывали на необходимость «дифференцированного подхода к различным группам верующих» и выделяли три возрастные группы. Больше всего верующих, естественно, было среди пожилых колхозников. Среди людей среднего возраста «религиозные предрассудки» сохраняются главным образом среди женщин. Причины этого виделись авторам в «недостаточном уровне их культуры» и «замкнутом образе жизни» женщин, загруженных домашней работой и не имеющих возможности участвовать в общественных и культурных мероприятиях [Пушкарева и др. 1960: 89–90]. С другой стороны, авторы подтверждали: «Самыми стойкими религиозными пережитками оказываются те, которые в силу исторической традиции связаны с бытом и народными обычаями, исстари сопровождавшими важнейшие события в жизни людей» [Пушкарева и др. 1960: 91]. Для борьбы с этими пережитками рекомендовалось активнее вводить новые обряды, способные стать заменой религиозным. Кривелев добавлял к этим наблюдениям еще одну закономерность: в слабых колхозах больше верующих, так как люди там больше заняты приусадебным хозяйством, что «держит их в плену узкого замкнутого круга интересов своей семьи» и обуславливает «оторванность их от нашей идеологической жизни» [Кривелев 1961: 34].

Этнографам, занимавшимся современностью, пришлось столкнуться с тенденцией, казавшейся им парадоксальной. Еще в 1956 г. П.И. Кушнер, возглавлявший изучение русского колхозного крестьянства, комментировал материалы экспедиции в Калининскую (Тверскую) область: «Очень быстро, особенно за последние два года, повышается материальный быт крестьян. Казалось бы, что в связи с этим должен повышаться такой же образом, а может быть, еще быстрее, культурный уровень. Но не везде это делается». Так, работники льноводческих колхозов стали получать хорошие деньги, которые тратятся на банкеты и пьянство: «В связи с этим богатением и отсутствием или недостатком подходящих кадров на селе очень плохо работают клубы, страшно развивается пьянство. Богатые люди

тратят громадные деньги на банкеты» [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 792. Л. 13]. Это наблюдение нашло отражение в монографии Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой «Культура и быт колхозников Калининской области» [Анохина, Шмелева 1964], показу «пережитков» в которой было уделено крайне незначительное место. Тем не менее авторы упомянули: «Причина живучести антиобщественных явлений кроется часто в том разрыве, который еще существует между быстро возрастающими материальными возможностями колхозников и некоторым отставанием их культурного роста» [Анохина, Шмелева 1964: 313]. Архивные материалы доносят гораздо более откровенные выступления этнографов на эту тему. Так, видный кавказовед В.К. Гарданов был, по его словам, поражен «оживлением» таких пережитков, как калым, похищения невест, многоженство и т.п.:

Оказывается, целый ряд обычаев, которые я считал изжитыми, когда покидал Осетию в 1925 г., сейчас по данным прессы и из сведений, получаемых в личных разговорах, не только не изжит, но в известной мере оживился, к глубокому моему изумлению. Я серьезно задумался: каковы же причины известного возрождения этих обычаев. Я прихожу к мысли о том, что дело не в той экономической основе, о которой говорилось здесь. Наоборот, экономическое благополучие оказалось в известной мере питательной средой для восстановления целого ряда обычаев. Например, сейчас большое количество людей приезжает в Москву в командировку или без командировки, чтобы купить приданное, а фактически калым для организации женитьбы сына, причем люди весьма ответственные, почтенные [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1050. Л. 60–61].

Гарданов предлагал создать специальную группу, которая бы занималась пережитками, однако это, по-видимому, не было реализовано. Этнографы скорее поставили вопросы о причинах бытования «пережитков», чем дали на них ответы, однако вопросы были поставлены в более эмпирическом плане. Этнографы не пытались найти универсальное объяснение в духе Ковалева, они также дифференцировали предмет своего изучения — «носителей» пережитков — на возрастные, половые и социальные группы, стремясь найти подход к каждой из них. Эти попытки были продолжены представителями возрождавшейся в СССР социологии.

«Конкретные социальные исследования»

Вторая половина 1950-х гг. была временем возрождения советской социологии. В 1958 г. в Москве прошло международное совещание социологов, была основана Советская социологическая ассоциация. В 1960 г. в Институте философии был

образован Сектор исследования новых форм труда и быта, первые социологические лаборатории в то же время возникали в Ленинграде и Свердловске. Среди наиболее актуальных тем в отчете Института философии значились такие вопросы, как «пути превращения труда социалистического в труд коммунистический, сочетание материальных и моральных стимулов к труду, условия преодоления существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, природа пережитков прошлого в сознании людей и борьба с ними» [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 996. Л. 65]. Постепенная институализация социологии была плодом действия двух основных групп. С одной стороны, процесс возглавляли и контролировали философы / партийные идеологи, представлявшие, в частности, советскую социологию за рубежом (Ф.В. Константинов, П.Н. Федосеев, Г.П. Францов и др.), с другой — складывалось первое поколение социологов-профессионалов, пришедших в новую дисциплину из философии и других гуманитарных дисциплин (Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, И.С. Кон, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, В.А. Ядов и др.). Будучи представителями «шестидесятнического» поколения, они стремились дистанцироваться от заидеологизированной философии истмата, утвердить самостоятельность социологии как науки, сохраняя в то же время пафос служения обществу и строительству коммунизма [Батыгин 1999; Фирсов 2001; Бикбов, Гавриленко 2002–2003].

Лозунгом дня, повторявшимся на всех собраниях и в отчетных докладах Института философии во второй половине 1950-х гг., стало «приближение к жизни», преодоление «оторванности от жизни» и практики коммунистического строительства, борьба против «талмудизма и начетничества». Главный организатор и вдохновитель социологических исследований в Москве, заместитель директора института Г.В. Осипов призывал философов следовать примеру Маркса и Энгельса, проводивших серьезные социологические исследования (к примеру, «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса), и изучать «конкретный материал» на фабриках, заводах и колхозах: «Нужно смело вторгаться в жизнь, выезжать в области, принимать участие в работе отдельных заводов и фабрик, вести там исследовательские работы <...> Пора более непосредственно связываться с жизнью» [АРАН. Ф. 1922 Оп. 1. Д. 1014. Л. 9]. Одним из первых опытов налаживания «связи с жизнью» была организация «научно-исследовательских бригад», собиравших материал в сотрудничестве с партийным и общественным активом предприятий. В 1958 г., как констатировал отчет о работе Института философии, наметилась и новая форма проведения Ученых советов, на которые стала привлекаться «широкая

общественность Москвы, а также рабочие и колхозники Москвы и Московской области» [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 930. Л. 19]. В октябре 1958 г. состоялось заседание Ученого совета Института философии совместно с коллективом рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода «Динамо» им. С.М. Кирова, посвященное обсуждению вопроса «О росте социалистической сознательности и преодолении пережитков капитализма в сознании трудящихся». Это заседание было итогом работы на предприятии исследовательской группы института во главе с д.ю.н. Б.С. Маньковским, изучавшей «причины живучести пережитков» среди работников завода [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 930. Л. 2].

Выступивший на этом заседании Ученого совета директор института П.Н. Федосеев говорил о «неравномерности в развитии разных сторон общественного сознания». Эту идею Федосеев неоднократно высказывал в своих выступлениях, а в 1959 г. представил ее на четвертом Международном социологическом конгрессе в Италии как практически единственный конкретный вывод, сделанный советскими социологами. Федосеев призвал конкретизировать «общесоциологический факт» отставания сознания от бытия. Сознание неоднородно и состоит из «сторон», которые «приходят в соответствие с общественным бытием» неравномерно. Быстрее всего это происходит с теми сторонами, которые наиболее близки экономическому базису, а именно — с политическим сознанием (в котором, по его мнению, социалистическая идеология полностью победила), наиболее отдаленные же от базиса стороны сознания, такие как бытовое и религиозное, в наибольшей степени сохраняют пережитки прошлого [Федосеев 1962: 233, 389]. Этот тезис Федосеев, опираясь на материалы исследования завода «Динамо», противопоставлял неправильному объяснению причин существования пережитков, данному Ковалевым.

Маньковский также резко высказывался против теории Ковалева: «Теория, которая сводит корни пережитков капитализма к социалистическим производственным отношениям, это теория ошибочная, вредная, это просто клевета на наше общество» [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 946. Л. 175]. Он отстаивал традиционное представление о причинах существования пережитков (отставание сознания от бытия, влияние идеологии капиталистических стран и недостатки воспитательной работы), однако конкретизировал эти тезисы на материале изучения завода с использованием идеи о «неравномерности развития социалистического сознания». Иллюстрацией этого тезиса был пример сознательного и квалифицированного рабочего, участника Отечественной войны, который, тем не менее, признавался, что «когда мне нужны по хозяйственной надобности

гвозди, я набираю полные карманы и прохожу через проходную» [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 946. Л. 177]. Маньковский приводил и другие примеры: «Разве не позор, что в некоторых цехах имеется такая система “трое”. Это значит трое на одну бутылку. Никому не доверяет эта тройка и никого не допускает в свою компанию. Она действует как постоянная организация. Разве это явление не показательное, что очень хорошие производственники, прекрасные новаторы, но когда дело доходит до полочки, традиции прошлого остаются в силе» [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 946. Л. 178]. Маньковский опровергал и утверждение Ковалева об «ограниченном значении» влияния идеологии капиталистических стран. Основным аргументом, демонстрирующим это разлагающее влияние, были «левые джазы», устраивавшиеся в клубе заводской молодежи, игнорировавшей в то же время лекции и прочие официальные мероприятия. Как крайний случай Маньковский привел пример стилига из рабочей среды, прошедших путь от ношения стильной одежды до организации вооруженных налетов на магазины. Молодые люди вели дневники, в которых излагали свою философию «чувизма — ненависти к рядовому человеку»: «Мы ненавидим труд, мы благогоеем перед иностранными пластинками, надо закупать их где только можно. Я горжусь тем, что на мне нет ни одной нитки из русского материала, все иностранное» [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 946. Л. 187–188]. Наличие таких случаев Маньковский и другие философы объясняли массивной капиталистической пропагандой и недостатками в советской идеологической работе: «Причина происхождения разных пережитков нам ясна, а причина их сохранения, как правильно говорил т. Федосеев, состоит <...> прежде всего в нашей слабой работе, потому что мы против этих пережитков не ведем должной борьбы и не используем все материальные, политические и другие средства. В этом причина сохранения пережитков, а вовсе не в том, что существует торговля или “социалистический способ распределения”» [АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 946. Л. 233]. Схожие выводы содержала и опубликованная по материалам изучения завода «Динамо» книга «Формирование морального облика советского рабочего». Помимо основных причин — влияния традиций прошлого (отставание сознания от бытия) и буржуазной идеологии и морали извне — назывались более частные: недостатки в воспитательной работе, упущения в охране и расходовании заводского имущества и т.п. [Маньковский и др. 1961: 88–92]. Основным рецептом борьбы с ними признавалось «повышение роли общественности», активизация «воспитательной работы» и общественного мнения, выразителем которого считались партийные, комсомольские и общественные организации.

Феномен общественного мнения, «открытый» в Советском Союзе в 1960-е гг., имел непосредственную связь с проблемой искоренения «пережитков». «Правильное» общественное мнение, выражаемое партийными и общественными организациями, служило действенным орудием в борьбе с ними, «обывательское» общественное мнение, напротив, было одним из факторов, их поддерживающих. В 1960 г. при газете «Комсомольская правда» был создан Институт общественного мнения под руководством Б.А. Грушина [Докторов 2007]. На материалах проводившихся газетой массовых опросов Грушин и журналист В.В. Чикин издали книгу «Исповедь поколения», в которой рассматривались положительные и отрицательные стороны собирательного портрета молодежи 1960-х гг. На первое место среди отрицательных характеристик, названных молодыми людьми, вышло увлечение спиртными напитками, на второе — подражание западной моде, стиляжничество, далее шли «невоспитанность чувств», недостаток культуры, пассивность, неуважение к труду, иждивенчество, стремление к обогатлению и неуважение к старшим [Грушин, Чикин 1962: 154]. Авторы отмечали, что для респондентов характерно было стремление не просто указать на те или иные отрицательные качества, но и проанализировать «причины» их возникновения. Иногда ими задавались неудобные вопросы. К примеру, двадцативосьмилетний токарь писал: «С чем связано явление тунеядства? <...> Легче всего, конечно, объяснить это капиталистическими пережитками в сознании людей. Но какой это, к дьяволу, “пережиток”, если человек еще не выговаривает четко “мама”, а уже норовит через знакомых устроиться на такое место, куда бы он по его способностям никогда не попал?» [Грушин, Чикин 1962: 205].

В поиске ответов на подобные вопросы авторы книги и их респонденты стремились пойти дальше стандартных объяснений. Так, пьянство — несомненно, вредная традиция прошлого, однако многие традиции уже изжиты, следовательно, это не полное объяснение. В поисках ответа респонденты и авторы книги обращались к социальным условиям. Их выводы можно подытожить следующим образом. Поклонение «зеленому змию» рождается из скуки и равнодушия к жизни. Они в свою очередь порождаются, во-первых, отсутствием или невозможностью заниматься любимым делом, во-вторых, формализмом и низкой активностью комсомола и других организаторов общественной жизни. Первое отчасти объяснялось несовершенством «первой фазы коммунизма», в которой «в качестве одного из родимых пятен старого мира продолжает существовать тяжелый, неквалифицированный, мало приятный физический труд» и интересы личности еще не полностью совпадают

с интересами общества [Грушин, Чикин 1962: 174]. Второе также можно было считать пережитком, но уже времена культа личности, при котором самостоятельность комсомола была жестко ограничена, царил «излишняя опека над взглядами, мыслями и поступками молодых людей» [Грушин, Чикин 1962: 192]. «Корни» стиляжничества, согласно «Исповеди поколений», также имели более сложную природу, чем просто влияние буржуазной идеологии извне. Авторы предлагали различать естественное стремление красиво одеваться (в этом случае предпочтение заграничной одежды свидетельствовало лишь о недостатках отечественной легкой промышленности) и настоящих стиляг — туенядцев, фарцовщиков и «апостолов сладкой жизни». Последние, исповедующие презрение к труду, иждивенчество и культ материальных благ, являются продуктом «серьезного ослабления трудового воспитания, имевшего место в недавнем прошлом»:

Многие родители, забыв об уроках собственной биографии и упустив из виду, что основной закон социализма «Кто не работает, тот не ест» применителен не только к жизни общества, но и к жизни каждой маленькой его ячейки — семьи, создали для своих детей поистине тепличные условия. Мальчики и девочки, освобожденные от всяких трудовых нагрузок и забот, привыкли с детства получать больше того, что им было необходимо. Подрастая, они постепенно привыкли к мысли, что так, под крылышком заботливых пап и мам, можно жить чуть ли не всю жизнь и уж во всяком случае от жизни можно брать больше, чем даешь [Грушин, Чикин 1962: 208].

Размышления о причинах появления «антиобщественных» поступков и настроений были высказаны и на сессии по проблемам коммунистического воспитания в Академии общественных наук в 1961 г. В то время как большинство выступавших на ней философов продолжало варьировать абстрактные рассуждения на тему соотношения сознания и бытия, наиболее интересные доклады принадлежали «практикам». Так, заместитель начальника отдела УВД Мосгорисполкома П.Н. Неверов представил анализ конкретных причин и обстоятельств, толкнувших молодых людей на путь антиобщественного поведения. В девяноста случаях из ста, утверждал милиционер, «эти молодые люди имели плохое окружение в семье, в доме или на производстве». Это могли быть чрезмерно заботливые родители, а также «отдельные пожилые прожигатели жизни», спаивающие и развращающие молодежь. Отрицательно сказываются легкие и случайные заработки: в неофициальных оркестрах, от эпизодических съемок в кино, работа манекенщиками и манекенщицами, натурщицами и натурщиками в художественных мастерских, училищах и вузах. Влияет и возросший поток туристов с Запада:

Разлагающее влияние оказывают буржуазные туристы на отдельных подростков, распространяя грампластинки с уродливой джазовой музыкой, даря детям авторучки, открытки, зажигалки с порнографическими изображениями. Нередко туристы Запада спивают юношей и девушек в ресторанах, кафе и номерах гостиниц, а затем глумятся над ними, фотографируют их [Вопросы теории 1962: 235].

Милицейская статистика свидетельствовала о том, что в «группе риска» находились временно или постоянно не работающие молодые люди; сказывались и последствия войны: семьдесят процентов задержанных в Москве девушек легкого поведения и пятьдесят процентов фарцовщиков лишились в войну одного или двух родителей и более подвержены дурному влиянию «так как не имеют правильного воспитания в семье» [Вопросы теории 1962: 238].

По мере институализации социологии как самостоятельной дисциплины понятие «пережиток» встречается в работах социологов все реже. В центре их внимания по-прежнему оставались трудовые коллективы заводов и фабрик. Авторы влиятельной монографии «Рабочий класс и технический прогресс» формулировали задачу «всестороннего, гармоничного, целостного развития человека» и пытались определить производственные условия, в которых такое развитие возможно. При этом они критиковали более ранние работы за невнимание к влиянию, оказываемому непосредственными условиями производства на отношения людей к труду и в процессе труда:

Мы обратили главное внимание на технико-экономический и субъективный аспекты анализируемой проблемы. В недалеком прошлом эти аспекты отчуждения труда почти не изучались. Они считались попросту пережитками, ликвидируемыми при помощи воспитания. Полностью оставался без внимания тот факт, что в социалистическом обществе в ходе развития и взаимодействия объективных (уровень развития техники, непосредственные условия труда, организация производства, система материального и морального стимулирования труда и т.д.) факторов возникают различные запросы к труду, что отсутствие достоверного знания механизма взаимодействия этих факторов и его надлежащего регулирования нередко приводило к тому, что в тех или иных конкретных условиях эти запросы (жажда творчества, развитие навыков и способностей и т.д.) не учитывались в практике повседневной работы [Осипов и др. 1965: 15].

Вскоре познавательная ценность самого понятия «пережиток» была поставлена под сомнение философом и социологом В.Ж. Келле. «В свое время, — писал он, — Сталин выдвинул положение о том, что пережитки — это следствие отставания

сознания от бытия. Все отрицательные явления в поведении людей являются результатом отставания сознания от бытия. Считалось, что это общая причина, с помощью которой можно объяснить все. К этому, правда, еще добавлялось влияние буржуазной идеологии из-за рубежа» [Келле 1966: 43]. Однако, продолжал Келле, термин «пережитки» объединяет самые разные явления от хулиганства до религиозности, которые не могут быть объяснены одной причиной. Каждое конкретное явление надо объяснять конкретными причинами, и поэтому «идея о том, что все пережитки нужно объяснять отставанием сознания, стала критиковаться с различных сторон и критиковаться справедливо» [Келле 1966: 44]. В качестве положительного примера «конкретного исследования» Келле приводил изучение причины «живучести» обряда крещения в Выборгском районе Ленинграда. Его автор Д. Аптекман выяснил, что крестившие детей родители преследовали этим актом разные цели: кто-то действительно выражал свои религиозные убеждения, а кто-то просто уступал настоянию сидевшей с ребенком бабушки. Понятие «пережиток», по мнению Келле, только затрудняло реальное исследование причин «отрицательных явлений» в жизни общества и, следовательно, борьбу с ними. Таким образом, данное понятие уходило из лексикона академических социальных наук, окончательно став достоянием популярных пропагандистских брошюр.

Понятие «пережиток прошлого»: опиум для народа или оружие слабых?

Понятие «пережиток» в контексте советской истории 1950–1960-х гг. можно рассматривать как часть идеологического дискурса, использовавшегося общественными науками данного периода. Господствующая идеология, как и ее прикладная отрасль — пропаганда, пытаются навязать свою интерпретацию реальности, оправдывающую существующее положение вещей. В то же время они могут быть использованы для критики этого положения. Применяя теоретические размышления Джеймса Скотта о такого рода использовании господствующей идеологии подвластными группами, Сара Дэвис делает вывод: «Советская пропаганда была многозначной, и рядовые граждане наполняли ее содержанием, совершенно чуждым тому, что вкладывал в нее режим. Они присваивали ее и заставляли служить своим целям, выбирая те ее аспекты, которые соответствовали их представлениям, и отвергали другие» [Davies 1997: 184]. Понятие «пережиток прошлого» благодаря своей многозначности и расплывчатости было идеальным материалом для подобной апроприации. Проследить его использование людьми, не имевшими доступа к печатному слову, достаточно

сложно. Однако архивные материалы предлагают такую возможность. В ходе кампании «всенародного обсуждения» третьей программы КПСС активные граждане имели возможность высказать свои мнения относительно проблем и путей построения коммунизма. На материале нескольких писем, пришедших в 1961 г. в редакцию журнала «Коммунист», можно видеть, что трактовка понятия «пережиток», дававшаяся их авторами, значительно отличалась от официальной.

Пережитком, привлекавшим наибольшее внимание этих авторов, были так называемые «остатки частнособственнической психологии». Так, старый большевик ветеран труда А.О. Вильдгрубе гневно писал о различных проявлениях этой психологии: сохранении индивидуального садоводства и огородничества, порождающего «спекулятивно-торгашескую психологию», и разного рода хищениях и злоупотреблении служебным положением. В качестве основного метода борьбы с подобными «остатками» Вильдгрубе предлагал восстановление «партмаксимума», отмену которого он считал резким отклонением от ленинских принципов: при Ленине разница между высоко- и низкооплачиваемыми работниками составляла пять раз, а теперь — десять-пятнадцать.

Если обыкновенный человек, занимая руководящий административный пост или даже будучи ценным научным работником, имеет прекрасные условия жизни, просторную, роскошно обставленную квартиру, дачу за городом, собственную или персональную автомашину, если он и члены его семьи удовлетворяют любую свою прихоть — не переродится ли в связи с этим он невольно из энергичного, принципиального, закаленного, спянного с массаами бойца за коммунизм в равнодушного всему прогрессивному ожиревшего «мещанина», страдающего к тому же и гипертонией из-за исключительно сидячего образа жизни и непомерного злоупотребления автотранспортом?! — история и жизнь показывают, что ТАКОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ В ТАКИХ СЛУЧАЯХ ВСЕГДА НЕИЗБЕЖНО [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 63. Л. 14].

Другие авторы вторили Вильдгрубе. Москвич, член партии с 1927 г. с жаром обличал утративших «ленинскую скромность» руководящих работников:

Очень уж много по законным и незаконным каналам к отдельным лицам стекается народных благ: и подчас непомерно большие и комфортабельные квартиры для самих и для родственников, и дорого стоящая, построенная за народные средства дача, и государственственный автомобиль с шофером за государственный счет, а иной раз и содержание за государственный счет (легально и нелегально) прислуги, и с изысканностью отделанный служебный кабинет с отдельной ванной и уборной, а то и лифт отдельный,

и санаторий «Люкс», в котором не столько лечат, сколько обхаживают и ухаживают, и отгороженные участки морского побережья и «закрытые» зоны для охоты и рыбалки, и чего только не придумано. Зачем все это?

То, что считалось и считается для коммуниста позором, стало для некоторых своеобразной модой, идеалом. Иной раз люди просто состязаются в том, кто лучше отгрохает и отделает дачу, кто больше и шикарней займет квартиру, кто попадет в более изысканный санаторий [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 63. Л. 36–37].

Автор делал упор на негативных моральных последствиях данной ситуации: такого рода работники не только «перерождаются» и «отрываются от народа»; передавая свое привилегированное положение детям, они делают их, по выражению цитированного выше Вильдгрубе, изнеженными, балованными, эгоистичными и порочными. Принимая данный им комфорт как должное, они начинают вести паразитический образ жизни и становятся «стилягами». «Кем стали многие коммунисты? — вопрошал автор из Москвы, — Собственниками, дачевладельцами, “хозяевами”. А их жены? Совладельцами. А их дети? Наследниками. Мне приходилось встречаться с такими людьми. Плохое, противное это зрелище. Такой “хозяин” и его семья живут в своем узком собственническом мирке. Их мысли и дела дальше от коммунизма, чем Земля от Солнца» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 63. Л. 37]. Автор другого письма, еще один старый коммунист из Пятигорска, продолжал эти рассуждения достаточно рискованными политическими выводами. Если, писал он, «буржуазная идеология» затягивает привилегированную часть старшего и младшего поколений, то получается, что «в условиях диктатуры пролетариата, рабочий класс породил свою своеобразную буржуазию, значит, она должна стать мегильщиком пролетариата» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 63. Л. 54]. Наконец, Б. Писарев из г. Кудымкара Пермской области ставил под сомнение формулу «пережитки капитализма» как не объясняющую, «каким это образом у граждан социалистического общества проявляются в сознании те же отрицательные черты, которые свойственны людям при буржуазном строе». Он предлагал разделять «здоровый эгоизм», свойственный человеку от природы, и «несдержанный, необузданный эгоизм», становящийся определяющей чертой индивида в антагонистическом обществе и приводящий к конфликту интересов индивида и общества. Признание естественности здорового эгоизма, по его мнению, не будет уступкой буржуазным социологам, так как окружающая человека социальная среда может ограничить и направить природный эгоизм в требуемое обществом русло [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 63. Л. 112–122].

Рассмотренные выше письма принадлежат в основном довольно специфической категории авторов, которых можно определить как «истинно верующих» коммунистов старой закалки. Их восприятие и критика существовавшего положения вещей также формулировалась в терминах «пережитков», однако наполнение понятия «пережиток капитализма» заметно отличалось от существовавшего в официальной пропаганде или социальной науке. В отличие от последних их внимание было сосредоточено на партийно-бюрократической элите. Именно она оказывалась носителем пережитка частнособственнической психологии, воспринимавшегося как наиболее важная проблема и препятствие для построения коммунистического общества.

* * *

Э.Б. Тайлор определял пережиток как «те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого» [Тайлор 1989: 28]. Классический эволюционизм считал пережитками те явления культуры, смысл которых, как считалось, был утерян для самих ее носителей и расшифровывался лишь исследователем. В советском контексте понятие пережитка получило гораздо более широкое значение. К «пережиточной» сфере относились целые пласты экономической, социальной и духовной жизни, не вписывавшиеся в социалистический проект. Пережитки могли происходить из разных социально-экономических формаций (пережитки родового строя, феодализма, капитализма), охватывать целые сферы культуры (религиозные пережитки), существовать в сознании (пережитки феодально-байского отношения к женщине, индивидуализма, частнособственнической психологии и т.д.). При этом граница между вредным «пережитком» и легитимной национальной традицией была подвижной и являлась продуктом определенного «торга». «Традиции или пережитки?» — так обозначил дилемму переоценки «старой» культуры новым социалистическим обществом секретарь ЦК Коммунистической партии Киргизии А. Казакбаев: «Мы должны вдумчиво разобраться в наших национальных традициях и обычаях, решительно отсеять все то, что было внесено в них чуждыми нам классами и религиозным мировоззрением, настойчиво утверждать подлинно народные обычаи и нравы, обогащая их новым, социалистическим, содержанием» [Казакбаев 1960]. Таким образом, важность понятия «пережиток» в контексте советской идеологии и науки заключалась в том, что оно находилось на границе старого и нового миров, одновременно соединяя и разделяя их. Маркируя нежелательные

в социалистическом обществе явления, оно в то же время легитимизировало их существование.

Использование понятия «пережиток» широко распространяется в период оттепели в связи с активизацией в общественном сознании образа «нового человека» и декларациями о приближающемся коммунизме. В то же время власти несколько ослабляют цензурное давление и побуждают философов, этнографов и социологов активнее участвовать в построении коммунистического общества и изучать современность. В середине 1950-х гг. начинается активное обсуждение причин существования пережитков и путей борьбы с ними. Эти дискуссии, связанные с идеями, высказанными С.М. Ковалевым, Г.П. Снесаревым и другими авторами, способствовали оживлению исследовательской мысли в советских социальных науках. Можно отметить также заметное единство повестки дня в этнографии, философии и социологии данного периода, обусловленное широким применением идеи «пережитка».

Данная идея, возникшая в антропологии еще в эпоху классического эволюционизма, в контексте послевоенной советской социальной науки была сильно нагружена идеологическим содержанием. Тем не менее именно вокруг рассуждений о причинах существования «пережиточных» явлений возникали попытки говорить о различных теневых сторонах социалистической действительности. Идеологи тщательно следили за тем, чтобы критика под лозунгом «больше социализма» не перешла в критику социализма как такового. Однако рассмотренный материал позволяет увидеть, что даже в строго цензурированной и идеологизированной советской форме, в которой марксизм существовал в СССР 1950–1960-х гг., он все же сохранял некоторый критический потенциал. Разработка таких теоретических конструктов, как социальные «корни» пережитков и обусловленность сознания бытием, дали определенный толчок для развития социальной философии и эмпирических наук об обществе, которые стали заниматься этими механизмами более детально и с применением все более усложнявшегося понятийного аппарата. В итоге уже к середине 1960-х гг. понятие «пережиток прошлого» стало казаться слишком общим, и его эвристическая ценность была поставлена под сомнение. Предлагавшееся, в частности С.П. Толстовым, сотрудничество гуманитариев по разработке проблем современности в сущности не осуществилось, этнография и социология в дальнейшем развивались все более самостоятельно, хотя и находили точки контактов и пересечений. Рассматриваемый период в истории данных дисциплин остался скорее периодом постановки общих вопросов, оставшихся без удовлетворительного ответа, однако рассмотрение этого опыта свидетельствует

о принципиальном единстве объекта и методов исследования социальных наук, возможности и плодотворности их сотрудничества.

Список сокращений

АИЭА — Архив Института этнологии и антропологии РАН

АРАН — Архив Российской академии наук

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Библиография

Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964.

[Батыгин 1999] Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Изд-во РГХИ, 1999.

Бикбов А., Гавриленко С. Российская социология: автономия под вопросом // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–25; Логос. 2003. № 2 (37). С. 51–85.

Вопросы теории и практики коммунистического воспитания. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962.

Грушин Б., Чикин В. Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия, 1962.

Докторов Б.З. Он изучал людские мнения «нешадно, вопреки всему» // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 171–184.

Казакбаев А. Традиции или пережитки? // Известия. 1960, 8 июня.

Келле В.Ж. Некоторые вопросы общественного сознания // Актуальные вопросы исторического материализма. Беседы по актуальным проблемам науки. М.: Знание, 1966. С. 41–46.

Ковалев С. О преодолении пережитков капитализма в сознании людей // Большевик. 1950. № 19. С. 19–31.

Ковалев С.М. О коммунистическом воспитании трудящихся. Дис. ... д-ра. филос. наук. М., 1954.

Ковалев С.М. О человеке, его порабощении и освобождении. М.: Политиздат, 1970.

Ковалев С. Пережитки капитализма в сознании людей при социализме и пути их преодоления // Коммунист. 1957. № 3. С. 26–40.

Коммунистическое воспитание: Словарь / Под ред. Л.Н. Пономарева и Ж.Т. Тощенко. М.: Политиздат, 1984.

Константинов Ф. Ленин о коммунистическом воспитании трудящихся // Большевик. 1940. № 7. С. 69–82.

Крывелев И.А. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР // Советская этнография. 1961. № 4. С. 30–44.

Маньковский Б.С., Игитханян М.Х., Целикова О.П. и др. Формирование морального облика советского рабочего. М.: Профиздат, 1961.

- Осинов Г.В., Тихомирова В.А., Фролов С.Ф., Чангли И.И.* Рабочий класс и технический прогресс. М.: Наука, 1965.
- Панферов Ф.* О моральном облике советского человека. М.: Молодая гвардия, 1960.
- Пушкарева Л., Снесарев Г., Шмелева М.* Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления // Коммунист. 1960. № 8. С. 86–95.
- Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов / Сост. А. Артизов, Ю. Сигачев, И. Шевчук, В. Хлопов. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.
- Снесарев Г.П.* О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма // Советская этнография. 1957а. № 2. С. 60–72.
- Снесарев Г.П.* Работа Узбекского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1954 году // Краткие сообщения Института этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1957б. Вып. 26. С. 131–137.
- Советская этнография накануне XXII съезда КПСС // Советская этнография. 1961. № 4. С. 3–8.
- Сталин И.В.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13.
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.
- Федосеев П.Н.* Коммунизм и философия. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.
- Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1997.